

MACIEJ WALCZAK

 <http://orcid.org/0000-0001-6313-5672>

Силезский университет в Катовице

Гуманитарный факультет

Животные в русских и польских пословицах и фразеологизмах, характеризующих ум и глупость

Zwierzęta w rosyjskich i polskich paremiach
oraz frazeologizmach charakteryzujących
rozum i głupotę

Streszczenie

Obiektem badawczym w niniejszym artykule są rosyjskie i polskie jednostki paremiologiczne i frazeologiczne (przeważnie ludowe) związane z charakterystyką ludzkiego rozumu i głupoty, w strukturze których występują zoonimy odnoszące się do niektórych ptaków i ssaków. Analiza materiału rosyjskiego pozwala zauważyć wysoką frekwencję nazw zwierząt odnoszących się do ptaków, szczególnie do kur i gęsi, które w ludowo-mitologicznym odzwierciedleniu otrzymują szereg negatywnych cech, stając się symbolami głupoty i umysłowego ograniczenia. Z kolei w polskim materiale paremiologiczno-frazeologicznym podobną symbolikę częściej niż w języku rosyjskim przybierają przedstawiciele niektórych ssaków.

Słowa kluczowe: rozum, głupota, frazeologizm, paremia, zoonim

Animals in the Polish and Russian Proverbs
and in the Idiomatic Expressions Describing
Intellect and Foolishness

Abstract

The article focuses on the Russian and Polish proverbial and idiomatic units (mainly of folk origin) typical for describing the human intellect and foolishness containing the zoonyms referring to some birds and mammals. The analysis of the Russian material shows high frequency of animal names referring to birds, especially hens and geese which in the folk/mythological reflection receive a lot of negative features. These features are the symbols of foolishness and narrow-mindedness. On the other hand, the Polish proverbial and idiomatic material shows that the similar symbolism is reflected by the representatives of some mammals.

Keywords: mind, foolishness, idiom, proverb, zoonym

Вопрос отображения животного мира в языковой, а также, шире, культурно-языковой, фольклорно-мифологической, религиозной и психологической плоскостях неоднократно привлекал внимание лингвистов, культурологов, философов и антропологов, в том числе также и историков искусства. Многоаспектность поднимаемых проблем, всевозможные повороты и подходы к проблематике взаимоотношения миров фауны и человека позволили создать объемную научную литературу, подробное представление которой в пределах данной статьи видится невыполнимой задачей. Однако стоит при этом отметить основные тематические круги и направления, в русле которых укладывается предпринимаемое нами исследование, предполагающее, тем самым, лингвистический и лингвокультурологический повороты.

В первую очередь имеет смысл обратиться к проблеме представлений о животных, представлений, отметим, меняющихся на протяжении многих веков и обусловленных различными факторами религиозного, ментально-мировоззренческого и научного характера¹, находящих свое непосредственное отражение в собственно языковых проекциях в виде конкретных языковых единиц – в том числе пословиц и поговорок.

Проблематика культурной семантики зоологических мотивов, их символики, особенностей отражения в текстах художественной литературы рассматривалась, в частности, в работах Эдыты Двораковской², Татьяны Бернштам³, Александра Гуры⁴, Елены Фурсовой⁵, Артура Чапиги⁶. Вопрос анималистических компонентов в составе русской и польской, а также общеславянской идиоматики, нашел представление в работах

¹ См. подробнее об этом в: W. PRZYBYŁA: *Kulturowa semantyka motywu zwierząt*. «Teksty Drugie» 2011, № 3, с. 238–252.

² E. DWORAKOWSKA: *Świat zwierząt w wierszach Jana Twardowskiego i ich rosyjskich przekładach*. «Acta Polono-Ruthenica» 2015, № XX, с. 169–179.

³ Т.А. БЕРНШТАМ: *Орнитоморфная символика у восточных славян*. «Советская этнография» 1982, № 1, с. 82–100. Обновленная и дополненная версия данной статьи под заглавием *Птичья символика в традиционной русской культуре восточных славян* доступна также в режиме онлайн на сайте Санкт-Петербургского государственного университета: http://folk.spbu.ru/Reader/bernshtam1.php?rubr=Reader-articles#_as1 [дата обращения: 9.09.2019].

⁴ А.В. ГУРА: *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва 1997.

⁵ Е.Ф. ФУРСОВА: *Орнитоморфная символика в традиционной культуре крестьян Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая конца XIX – начала XX века*. «Археология, этнография и антропология Евразии» 2006, № 2 (26), с. 126–136.

⁶ А. ЧАПИГА: *Зооморфизмы-обращения в художественном тексте (на материале романа М. Шолохова «Тихий Дон» и его перевода на польский язык)*. В: *Русистика и современность. Материалы VII международной научно-практической конференции 17–18 сентября 2004*. Т. I: *Лингвокультурология и межкультурная коммуникация*. Ред. И.П. Лысакова. Санкт-Петербург 2005, с. 397–402.

Марии Вознесенской⁷, Марии Вторковской⁸, Агаты Пиасецкой⁹, Светланы Буренковой¹⁰, Эвы Концевич-Дзидух¹¹, Мацея Рака¹². Лексические особенности польских зоонимов анализировались в работах Катажины Мосиолек-Клосиньской¹³. Актуальность предпринимаемого нами исследования может доказать все большая заинтересованность лингвистики вопросами лексико-грамматической категоризации животных, породившей новую ее отрасль – зоолингвистику¹⁴. Исследовательская активность в области обсуждаемой проблематики подтверждается также рядом монографий, полностью посвященных вопросу анималистической фразеологии славянских языков¹⁵. Отмеченная актуальность особо не удивляет, поскольку, как замечает Валерий Мокиенко, анималистическая фразеология и паремиология – традиционный и древнейший объект исследования лингвистов, привлекающий их как возможностями реконструкции общеславянской картины мира, так и характеристикой образной специфики мира животных¹⁶.

⁷ М.М. ВОЗНЕСЕНСКАЯ: «Птичий двор» в русской фразеологии. Часть 1. «Русская речь» 2012, № 5, с. 116–122.

⁸ M. WTKOWSKA: *Językowy obraz świni i jej rodziny przez pryzmat frazeologii w języku polskim i słoweńskim*. В: *Životinje u frazeološkom ruhu*. Ред. I. VIDOVIĆ BOLZ. Zagreb 2014. Режим доступа: http://animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Wtkowska.pdf [дата обращения: 11.09.2019].

⁹ A. PIASEK: *Świat zwierząt jako inspiracja dla rozwoju leksyki i frazeologii*. «Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica» 2009, т. V: *Język – kultura – historia*, с. 135–141; Той же: *Антропоцентрическая направленность фразеологизмов с анималистическим компонентом в польском и русском языковом пространстве*. В: *Диалог языков и культур: Россия–Польша*. Ред. В.С. КАРТАВЕНКО, Смоленск 2015, с. 155–163. Анималистическая проблематика затрагивалась также в ее работе: *Potencjał semantyczno-pragmatyczny leksetów bydło i skot w języku polskim i rosyjskim*. «Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica» 2013, т. IX: *Aktualne problemy semantyki i pragmatyki*, с. 69–78.

¹⁰ С.В. БУРЕНКОВА: *Зооморфные образы русской и немецкой фразеологии*. «Вестник Челябинского государственного университета» 2008, № 30, с. 29–39.

¹¹ E. KONCEWICZ-DZIDUCH: *Ptaki w polskiej i chorwackiej frazeologii*. В: *Životinje u frazeološkom ruhu...*

¹² M. RAK: *Человек в польской анималистической фразеологии. Аксиолингвистический аспект*. В: *Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты*. Отв. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. Грайфсвальд–Санкт-Петербург 2019, с. 155–163.

¹³ K. MOSIOŁEK-KŁOSIŃSKA: *Antropocentryzm leksyki zwierzęcej*. В: *Semantyczna struktura słowa i wypowiedzi*. Ред. R. GRZEGORCZYKOWA, Z. ZARON. Warszawa 1997, с. 71–77.

¹⁴ D. WEISS: *Kleine Einführung in die russische Zoilinguistik*. В: *Slavistische Linguistik 1997. Referate des XXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Tübingen*. Ред. T. BERGER, J. RAESKE. München 1998, с. 273–324.

¹⁵ M. RAK: *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza*. Kraków 2007; *Анималистическая фразеология в славянских языках...*

¹⁶ В.М. МОКИЕНКО: *Анималистическая фразеология в русской народной речи*. В: *Анималистическая фразеология в славянских языках...*, с. 15.

Объектом нашего исследования были русские и польские паремиологические единицы (преимущественно народные), пополняемые также за счет единиц фразеологического характера, связанные с умом и глупостью, в составе которых присутствуют такие зоонимы, как *баран, бык, ворона, дрозд, индюк, курица, осел, петух, свинья, собака, теленок; baran, cielę, kogut, kot, kura, osioł, pies, sroka, świnia, wół, wrona, zając*, включая единицы, ими мотивированные. Основная часть русскоязычного материала для анализа извлекалась из сборника *Пословицы русского народа*¹⁷ Владимира Даля и *Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений*¹⁸ Валентина Зимина, польскоязычного – из сборников *Wielka księga przysłów polskich*¹⁹ Дануты и Влодзимежа Масловских, *Nowa księga przysłów polskich* под редакцией Юлиана Кшижановского²⁰, а также *Словаря пословиц и поговорок Рышарда Стыпулы*²¹.

В данном месте необходимо также отметить, что выбранный паремиологический материал, особенно русский, с точки зрения современного языкового употребления, оказывается малоактивным, а нередко пассивным. В то же время его включение в спектр нашего внимания мотивируется тем обстоятельством, что именно с помощью традиционных народно-фольклорных языковых единиц, порой и диалектно-областного характера, возможно воссоздать наиболее всесторонний, полный, а также точный и, тем самым, убедительный образ животных и связанных с ними символично-метафорических представлений в обеих лингвокультурах.

Выбранные для анализа паремии и фразеологические единицы будут обсуждаться исходя из русского материала как базового с последующим сравнением с польским. В этой связи материал был разделен на две группы: первая вбирает в себя единицы с наименованиями птиц, которые в русском особо активны, вторая – млекопитающих, по численности менее представительных.

Птицы

Изучение русского материала позволяет заметить довольно высокую частотность зоонимов, относящихся к птицам. Широко понимаемая *птица*

¹⁷ В. Даль: *Пословицы русского народа*. Москва 2000.

¹⁸ В.И. Зимин: *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. Москва 2012.

¹⁹ D. i W. MASŁOWSCY: *Wielka księga przysłów polskich*. Warszawa 2008.

²⁰ *Nowa księga przysłów polskich*. Ред. J. KRZYŻANOWSKI. Warszawa 1969–1978.

²¹ R. STYPUŁA: *Słownik przysłów i powiedzeń. Rosyjsko-polski. Polsko-rosyjski*. Warszawa 2003.

в русской лингвокультуре предполагает «крылатое животное в перьях как символ человека определенных признаков и качеств, занимающего особое или высокое (полет) положение в обществе или на службе»²². Подобное восприятие птицы, без отнесения к представителям конкретных видов, прослеживается и в польском языковом материале, символизируя, чаще всего, положительные качества и признаки (свободу, плодородие, чистоту, бессмертие и проч.)²³. Однако определенные представители царства пернатых получают в восприятии носителей русского и польского языков весьма разнообразные, нередко отрицательные, признаки, продолжая ряд укоренившихся еще в народно-фольклорной традиции образов типичных для русского, в том числе фольклора птиц: ворон, журавль, коршун, кукушка, курица, орел, петух, сова (сыч, филин), сокол, сорока. Стоит при этом отметить, что названные орнитонимы и, следовательно, именуемых ими птиц нельзя ставить в один общий ряд, их следует разделять на две основные группы: птицы дикие и домашние. Такое подразделение представляется неслучайным, поскольку опосредованно может отображать и, тем самым, объяснять закрепившуюся за ними положительную либо отрицательную оценку. Связано это с тем, что именно дикоживущие, обладающие способностью летать и поэтому свободные, ни от кого независящие птицы, оцениваются, как правило, положительно, в противоположность домашним – не летающим, лишенным свободы и поэтому во многом подчиненным человеку и от него зависящим. В этой связи многие зоонимы, включая и орнитонимы, получают вторичные и переносные значения, которым, как замечает Вознесенская, свойствен антропоцентризм, иногда также двойной²⁴. Символический параллелизм, по словам Бернштам²⁵, отражает также реликт древнего сакрального уподобления птиц и людей.

Обращаясь к вопросу фразеологических и паремиологических единиц, характеризующих умственные качества человека посредством орнитоморфной символики, необходимо заметить, что особое место в них занимают куры. Именно эти существа в фольклорно-мифологическом и, как следствие, языковом отображении наделяются отнюдь не положительными признаками, выступая символами неопрятной внешности (ср. рус. *мокрая курица* / польск. *kto wygląda jak ztokła kura*), физической неполноценности и болезненности (напр., рус. *куриная слепота* / польск.

²² В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов: *Словарь русской ментальности*. В двух томах. Т. II. Санкт-Петербург 2014, с. 139.

²³ G. FILIP: *Konotacje i symbolika ptaków drapieżnych w księdze cytatów z polskiej literatury pięknej od XIV do XX wieku*. «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego» («Seria Filologiczna. Dydaktyka 8») 2013, № 79, с. 137.

²⁴ М.М. Вознесенская: «Птичий двор» в русской фразеологии..., с. 116. Вопросу антропоцентризма польской анималистической лексики посвящена также упоминаемая выше работа: К. МОСИОЛЕК-КЛОСИŃСКА: *Antropocentryzm leksyki zwierzęcej...*

²⁵ Т.А. БЕРНШТАМ: *Орнитоморфная символика у восточных славян...*, с. 82.

kurza ślepotą), неумелости (ср. рус. как курица лапой / польск. *jak kura pazurem*) и, наконец, умственной ограниченности, глупости. Достаточно привести такие примеры: *умница – как попова (как пестрая) курица; глуп, как индейский петух, птичьи / куриные / цыплячьи мозги*, польск. *ptasi / kurzy mózdzek*.

Названная частотность, возможно, следует из намеренного преуменьшения умственных качеств человека, основанного на сравнении размера головы или головного мозга человека и курицы²⁶. Ограниченные умственные способности, приписываемые курице, находят также свое отражение в единицах, указывающих на отсутствие способности запоминать и хранить в памяти что-либо (возможно, из-за отмеченного небольшого размера головы / головного мозга): рус. *куриная память*; польск. *ramięć jak u kury*.

Присваиваемая курам глупость в отношении польского языка прослеживается и в ряде таких параллельно отображаемых фразеологических единиц, как *znać się na czymś jak kura na pieprzu / na matematyce / na piwie / na mydle* 'быть полностью несведущим в какой-либо области, совсем не разбираться в чем-либо'. Есть основания предполагать, что негативная оценка интеллекта человека (точнее, женщины), указывающая на узкий мыслительный кругозор, заложена в польском *kura domowa* 'женщина, интересующаяся только домохозяйством и воспитанием детей, лишенная амбиций, с ограниченным кругозором'.

Помимо этого, в польской фразеологии глупый человек, чье поведение не соответствует определенной ситуации, сравнивается с петухом: *głupiec jest podobny do koguta, który pieje nie o swej porze*. Образ индейского петуха (т. е. индюка) в русской лингвокультуре применяется в ситуации чьего-либо необдуманного, глупого поступка, вызванного неправильным, ошибочным суждением о чем-либо, в ответ на слова «Я думал...»: *думают думные люди, думает индейский петух*, а также для непосредственной оценки чьего-либо скудоумия (ср. приведенное выше *глуп, как индейский петух*; ср. также польск. *głupia jak indyczka*). Для характеристики недалекого человека в исследуемых языках применяется также сравнение с гусем: польск. *(kto) głupi jak gęś; (kto) zna się na czymś jak gęś na pieprzu*²⁷; рус. *гусиный разум, да свиное хрюкальце*. Следует здесь добавить также польское устойчивое словосочетание, обозначающее ограниченную, наивную, глупую женщину: *głupia gęś / gąska; drobnomieszczańska gęś*.

Отрицательная характеристика умственного склада человека в дальнейшем, как можно предположить, распространилась и на других представителей пернатых. В данной связи как в русской, так и в польской

²⁶ См. *Большой фразеологический словарь русского языка*. Ред. В.Н. Телия. Москва 2006, с. 344; М. РАК: *Językowo-kulturowy obraz zwierząt...*, с. 127.

²⁷ М. РАК: *Językowo-kulturowy obraz zwierząt...*, с. 132.

идиоматике встречаются другие орнитонимы в составе единиц, характеризующих посредством зооморфной метафоры отсутствие интеллекта как постоянное, не меняющееся ментальное состояние, несмотря на предпринимаемые усилия и попытки его изменить: рус. *ворона и за море летала, да вороной и вернулась / да лучше (умней) не стала; журавли за море летают, а все одно курлы*; польск. *sroczka zawsze pstra zostaje, w którekolwiek leci kraje; zawsze sroka pstra*. Интересно отметить, что во многих паремиологических единицах интеллектуальный недостаток передается именно как постоянная закрытость на внешние, а вследствие этой закрытости нередко и бесполезные, наставительно-образовательные воздействия (ср. польск. *zakuty łeb; z błazna trudno uczynić pana, a z głupiego kasztelana*; рус. *глупого учить, что мертвого лечить*).

Сопоставляя русскую и польскую лингвокультуры, можно заметить, что в русском материале интеллектуальная скудость, так же как и отсутствие остроумия, передается в образе вороны (ср. также русские *ворон ловить* 'быть невнимательным, ротозейничать', *проворонить* 'не уследить за чем-либо'; ср. польск. *głupi jak wrona / gawron / dudek / lelek / cietrzew*), в то время как в польском – сороки (ср. также *sroczka skrzeczy trzy rzeczy do rzeczy, a trzy nie do rzeczy*), реже ворона (ср. *gniewa kruka czarna wrona, a sam czarny, jak i ona*). Встречающаяся в русском языке поговорка *прост, как дрозд*, по нашему представлению, не передает каких-либо представлений о дрозде как символе отсутствия интеллекта, являясь, скорее, результатом преднамеренной рифмовки.

В контексте оценки умственного склада человека стоит также упомянуть фразеологическое выражение *у кого из голубятни голуби улетели*, в котором отлет голубей подразумевает потерю здравого смысла. Примечательно, что в составе зооморфного культурного кода некоторых языков птицы, особенно кукушки, связываются с нарушениями умственно-психического состояния, напр., болг. *кукувица е ми изпила мозъка / ума* – букв. 'кукушка у меня мозг выпила'²⁸.

Соотнесенность птиц с ограниченными умственными возможностями в народно-мифологических представлениях может, как можно предположить, обуславливаться в некоторой степени особенностями их внешнего вида, а точнее свойственного многим птицам, курам, в частности, разноцветного, зачастую нерегулярного, оперения²⁹. Отмеченная внешняя раз-

²⁸ Подробнее об этом см. К. Попова: *Птиците в българската и полската фразеология*. «Научни трудове на Русенския университет» 2015, № 54, серия 6.3, с. 34–39. Проблематика птиц во фразеологии отражена также в работе: Е. Koncewicz-Dziduch: *Ptaki w polskiej i chorwackiej frazeologii...*

²⁹ По замечанию Гуры, в славянской народной традиции нашли отражение разные особенности поведения и внешнего вида птиц, в частности – окраска оперения. Ср. А.В. Гура: *Символика животных...*, с. 716.

ноцветность и ее нерегулярность, пестрота, могут восприниматься как показатель и внутренней душевно-ментальной нерегулярности, интеллектуальной «пестроты» и, в итоге, непостоянности, переменчивости и нестабильности, мыслительного беспорядка и глупости (ср. упоминавшиеся ранее *głup jak **пестрая** курица; sroczka zawsze **pstra** zostaje* или же *dzięcioł jest **pstry**, ale życie ludzkie jeszcze pstrzejsze; **pstry** jak dzięcioł; **pstryć** też dzięcioł i dudek, a wždy śmierdzi zawždy; niech się **pstrzy**, niech rzegece, a wždy sroką sroka*).

В подтверждение сказанному приведем и другие польские единицы вне анималистического блока, в которых заложены представления об изменчивости и непостоянности характеризующих в них явлений, понимаемых именно как пестрота: *mieć **pstro** w głowie* 'быть легкомысленным, несерьезным', *łaska pańska na **pstrym** koniu jeździ* 'господская благосклонность непостоянна'. В этой связи весьма примечательно, что польская лексема *wariat* 'глупый, лишенный ума человек' восходит к латинскому *variare* 'изменять; **пестреть**; делать **пестрым**, неоднородным'³⁰.

В немногочисленных русских поговорках отражается образ птицы как существа, не пригодного в домашнем хозяйстве. Поэтому ее наличие, даже потенциальное, отнюдь не свидетельствует о рассудке хозяина, что и представлено в поговорке *Обещана цесарка – и то дураку радость* (т. е. *пестрая игрушка, бездоходная в хозяйстве птица* в пояснении Даля).

Приведенные паремиологические и фразеологические единицы явно свидетельствуют о том, что хозяйственные птицы (гусь, петух, курица, цесарка) выступают символом отрицательных умственных признаков. Подтверждением этого «правила» является единственная обнаруженная нами поговорка, в которой заложен позитивный образ птицы, способной передавать ум и надлежащие интеллектуальные способности своим детенышам: *знать, тебя разумный пырин (индюк) высидел*. Однако, все-таки, трудно избавиться в данном случае от ощущения некоторой иронии, если обратиться к кому-либо с такими словами.

В сравнении с русскими паремиологическими и фразеологическими единицами в польских прослеживается намного больше зоонимов, относящихся к млекопитающим.

Млекопитающие

В польскоязычной части материала, в отличие от русскоязычной, явно преобладают единицы, в составе которых для характеристики ментальных

³⁰ См. W. KOPALIŃSKI: *Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych. Z almanachem*. Warszawa 1998, с. 541; *Wielki słownik wyrazów obcych*. Ред. М. ВАЊКО. Warszawa 2008, с. 1317.

качеств человека используются образы млекопитающих. Ведущую позицию в этом случае занимает зооним *pies*.

С точки зрения собственно языковых представлений носителей польской ментальности собака, так же как и упоминавшаяся ранее курица в русской лингвокультуре, наделяется рядом отрицательных признаков, являясь воплощением прожорливости (*głodny jak pies*), агрессии (*zły / dożarty jak pies*), неопрятности (*brudny jak pies; co jak psu z gardła*), фальшивости (*kto łże jak pies; nie wierz psu, koniowi i babie*)³¹ и, разумеется, глупости. Последний признак прослеживается в следующих единицах: польск. *głupi jak młody pies; mądry jak pies; kto zna się na czymś jak pies na kwiatach / jak pies na gwiazdach*; рус. *бешена собака и хозяина кусает; дикая (блажная) собака и на небо лает*. В первом польском фразеологизме глупость можно было бы понимать как «детскую» наивность, отсутствие опыта, жизненной мудрости вследствие молодого возраста. Именно молодой возраст в идиоматических выражениях нередко выступает показателем отсутствия рассудка, лексически выражаясь наименованиями детенышей животных, что заметно и в русских единицах, ср. *он в щенках заморен* (т. е. *смолоду глуп* – примечание Даля). Можно привести и другие примеры русских поговорок с наименованиями молодых животных: *обычай бычий, а ум телячий; поехал за море теленком, воротился бычком; ростом с тебя, а умом с теля* или же упоминавшиеся ранее *цыплячьи мозги*. Аналогичные представления наблюдаются и в польских идиоматических выражениях: *głupi jak cielę; głupie cielę ogonem miele; cielęcy wiek; cielęce spojrzenie; młody człek cielęciu podobny* (ср. также польск. *zapomniał wół, jak cielęciem był*); *boże cielę; marynowane cielę; i cielęta mają swoje akcenta* ('даже глупый человек иногда бывает остроумным').

В обоих языках довольно частотны паремиологические единицы, в которых глупость метафорически передается в образе осла, хотя в русской и польской лингвокультурах данное животное нередко выступает символом упрямства³²: рус. *глуп, как осел; осел на осла, дурак на дураке; такой дурак, что только уши пришить*; польск. *poślij do Paryża osła głupiego, jeśli tu był osłem, tam nie będzie koń z niego*; рус. *осла хоть в Париж, а он все будет рыж*. Примечательно, что в приведенной польской поговорке заложено и противоположное оценивающее отношение: отрицательное, с одной стороны, к ослу, как упрямому, своенравному, глупому и поэтому в домашнем хозяйстве совсем непригодному животному (ср. *цесарка*), положительное, с другой, к лошади (выявляемое при сравнении с ослом) – как

³¹ Подробнее об этом см. К. MOSIOŁEK-КŁOSIŃСКА: *Stereotypy psa zawarte w języku polskim*. «Poradnik Językowy» 1992, № 4, с. 301–304; Той же: *Motywacja związków frazeologicznych zawierających wyrazy pies i kot*. «Etnolingwistyka» 1995, № 4, с. 21–31.

³² Об образе осла в русской и немецкой фразеологии см. С.В. БУРЕНКОВА: *Зооморфные образы русской и немецкой фразеологии...*

сильному, трудолюбивому, сотрудничающему с человеком и полезному в хозяйстве существу. В рассматриваемой единице, таким образом, в очередной раз прослеживается представление о глупости как ментальном состоянии, изменение которого невозможно: глупый бесполезный осел не сможет превратиться в полезную и «умную» лошадь (ср. рус. *когда солнце орла пожрет, камень на воде всплывет, свинья на белку залает, тогда дурак поумнеет*). В выбранном нами русском паремиологическом запасе удалось зафиксировать единицу, в которой глупость передается в образе кастрированного жеребца (мерина): *глуп, как сивый мерин*.

В культурах славянского ареала прочно закрепился образ свиньи как, преимущественно, нечистого животного. При этом отмеченная нечистота подразумевает не только внешнюю физическую неопрятность и грязь, но и моральную, связываемую с отрицательными чертами³³. Среди всего набора неблагородных признаков, которыми наделяется свинья в языковых представлениях, имеется и глупость, отразившаяся в следующих паремиологических и фразеологических единицах: польск. *uczył Marcin Marcina, a sam głupi jak świnia; kto zna się na czymś jak świnia na gwiazdach / na pogodzie / na rogach / na owsie; mądry jak świnia w magierce*; рус. *по образу – как я, а по уму – свинья*. Оказывается однако, что свинья, при всех своих недостатках, иногда предстает в паремиологическом отражении как животное умное, способное извлечь для себя выгоду при благоприятных условиях и обеспеченности хозяина: *у богатого гумна и свинья умна* (т. е. *сумеет наестся* – пояснение Даля).

В польском паремиологическом материале обнаруживают себя единичные выражения, в составе которых встречаются зоонимы *zając* и *kot*: *o głupcu mówią – mądry jak Maćków kot, co świeczkę zjadł, a po ciemku siedział; kto głupi jak stary zając*.

В немногочисленных русских поговорках опосредованно отражается представление о глупых людях как о скоте вообще (ср. упоминавшиеся ранее *бык, корова, теленок*), основным признаком которого является якобы тупоумие: *дураков в один бы косяк сбить да с кнутищем пастуха приставить; наши дураки без пастуха бродят*. Опосредованность ассоциации выстраивается здесь через представление о недалеких людях как совокупности, массе (= косяк, стая, стадо), не способных самостоятельно функционировать существ³⁴ и поэтому требующих контроля и управления со стороны кого-либо извне (= пастух) через физическое воздействие

³³ А. ПІАСЕКА: *Wizerunek świni w języku polskim i rosyjskim (na podstawie materiału leksykograficznego)*. «Rozprawy Komisji Językoznawczej ŁTN» 2013, т. LIX, с. 214; М. WТОRКOWSKA: *Językowy obraz świni i jej rodziny przez pryzmat frazeologii...*

³⁴ Интересно привести здесь для сравнения польское выражение *iść jak stado baranów* 'разрешать управлять собой без какого-либо сопротивления, проявляя полную пассивность'.

(= бить кнутом). Кроме того, ассоциативная связь с домашним скотом или животными как таковыми создается через наличие в паремиологической единице лексемы, в семантике которой заложена связь с животными или зверями, напр.: *Эй, человек, сведи меня на водопой*, где *водопой* предполагает место при каком-либо водоеме, куда водят поить **скот** или куда приходят пить **звери**. Умственная ограниченность, присваиваемая представителям домашнего скота, находит также свое отражение в следующих единицах: рус. *смотрит, как баран в гумно* (т. е. тупо, ничего не понимая); *Две бараньи головы в один котел не лезут*, польск. *gapić się / patrzeć jak wół / cielę na malowane wrota*³⁵; *stary jak świat, a głupi jak cap; barani łeb / barania głowa* (о глупом человеке); *barani wzrok* (о тупом взгляде). Впрочем, сама лексема *baran* заряжена в польском языке негативным потенциалом, предполагая тупого, недалекого человека. Данная семантика обнаруживает себя и в произведенном от основы *baran* глаголе *(z)baranieć* '(по)глупеть'.

* * *

На основании проделанного анализа можно заключить, что как в русском, так и польском языках представления о животных в контексте оценки интеллектуальных признаков человека, отраженные в паремиологических и фразеологических единицах, в подавляющем большинстве заряжены негативным потенциалом, зачастую с насмешливо-ироническим оттенком. Причиной подобного положения может быть, с одной стороны, психологически обусловленное стремление через насмешку и подшучивание внутренне освоить мир дикой природы, а точнее – диких животных, когда-то в восприятии человека таинственных и поэтому опасных. С другой стороны, представления человека о внеязыковой действительности, формирующиеся еще в древности на основании наивного и научно необоснованного восприятия окружающего мира, привели к ложному убеждению о превосходстве *Homo sapiens* над животными, особенно домашними (т. е. освоенными и хорошо известными) – как физическом, так и интеллектуальном – и, следовательно, к видовому шовинизму / видовой дискриминации, а точнее – «зоодискриминации»³⁶ и антропоцентризму. Отмеченные особенности не могли не отобразиться и в языке. Проанализированные поговорки и фразеологизмы могут об этом свидетельствовать.

³⁵ В польском языке существует целый ряд синтаксически вариативных единиц с другими компонентами-зоонимами: *gapić się / patrzeć jak sroka w gnat / w kość; patrzeć jak szpak w 500 złotych / w pizdę*.

³⁶ Понятие используем за М.М. Вознесенской: «Птичий двор» в русской фразеологии..., с. 116.

Библиография

- Bernshtam, Tat'yana. "Ornitomorfnaaya simvolika u vostochnykh slavyan." In *Sovetskaya etnografiya*, no. 1 (1982): 82–100 [Бернштам, Татьяна. "Орнитоморфная символика у восточных славян." *Советская этнография*, № 1 (1982): 82–100].
- Bernshtam, Tat'yana. "Ptich'ya simvolika v traditsionnoy russkoy kul'ture vostochnykh slavyan." http://folk.spbu.ru/Reader/bernshtam1.php?rubr=Reader-articles#_as1. Accessed 9 Sep. 2019 [Бернштам, Татьяна. "Птичья символика в традиционной русской культуре восточных славян." http://folk.spbu.ru/Reader/bernshtam1.php?rubr=Reader-articles#_as1. Дата обращения: 9 сентября 2019].
- Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Edited by Veronika Nikolayevna Teliya. Moskva: Ast-Press Kniga, 2006 [*Большой фразеологический словарь русского языка*. Ред. Вероника Николаевна Телия. Москва: Аст-Пресс Книга, 2006].
- Burenkova, Svetlana Vasil'yevna. "Zoomorfnyye obrazy russkoy i nemetskoy frazeologii." In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 30 (2008): 29–39 [Буренкова, Светлана Васильевна. "Зооморфные образы русской и немецкой фразеологии." *Вестник Челябинского государственного университета*, № 30 (2008): 29–39].
- Czapiga, Artur. "Zoomorfizmy-obrashcheniya v khudozhestvennom tekste (na materiale romana M. Sholokhova 'Tikhyy Don' i yego perevoda na pol'skiy yazyk)." In *Rusistika i sovremennost'. Materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 17–18 sentyabrya 2004*. Vol. I: *Lingvokul'turologiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Edited by Irina Pavlovna Lysakova. 397–402. Sankt-Peterburg: RGPU, 2005 [Чапига, Артур. "Зооморфизмы-обращения в художественном тексте (на материале романа М. Шолохова 'Тихий Дон' и его перевода на польский язык)." *Русистика и современность. Материалы VII международной научно-практической конференции 17–18 сентября 2004*. Т. I: *Лингвокультурология и межкультурная коммуникация*. Ред. Ирина Павловна Лысакова. 397–402. Санкт-Петербург: РГПУ, 2005].
- Dal' Vladimir. *Poslovitsy russkogo naroda*. Moskva: EKSMO-Press, 2000 [Даль, Владимир. *Пословицы русского народа*. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000].
- Dworakowska, Edyta. "Swiat zwierzat w wierszach Jana Twardowskiego i ich rosyjskich przekladach." In *Acta Polono-Ruthenica*, no. XX (2015): 169–179.
- Filip, Grażyna. "Konotacje i symbolika ptaków drapieżnych w księdze cytatów z polskiej literatury pięknej od XIV do XX wieku." In *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego 79* («Seria Filologiczna. Dydaktyka 8»), no. 79 (2013): 135–146.
- Fursova, Yelena Federovna. "Ornitomorfnaaya simvolika v traditsionnoy kul'ture krest'yan Priob'ya, Baraby, Kulundy i Altaya kontsa XIX – nachala XX veka." In *Arkheologiya, etnografiyai antropologiya Yevrazii*, no. 2 (26) (2006): 126–136 [Фурсова, Елена Федеровна. "Орнитоморфная символика в традиционной культуре крестьян Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая конца XIX – начала XX века." *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 2 (26) (2006): 126–136].

- Gura, Aleksandr. *Simvolika zhivotnykh vslavyanskoj narodnoj traditsii*. Moskva: Izdatel'stvo Indrik, 1997 [Гура, Александр. *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Издательство Индрик, 1997].
- Kolesov, Vladimir Viktorovich, Dar'ya Vladimirovna Kolesova, and Aleksandr Anatol'evich Kharitonov. *Slovar' russkoj mental'nosti*. V dvukh tomakh. Vol. II. Sankt-Peterburg: Zlatoust, 2014 [Колесов, Владимир Викторович, Дарья Владимировна Колесова, Александр Анатольевич Харитонов. *Словарь русской ментальности*. В двух томах. Т. II. Санкт-Петербург: Златоуст, 2014].
- Koncewicz-Dziduch, Ewa. "Ptaki w polskiej i chorwackiej frazeologii." In *Životinje u frazeološkom ruhu*. Edited by Ivana Vidović Bolt. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu FF-press, 2014, http://animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Wtorkowska.pdf. Accessed 11 Sep. 2019.
- Kopaliński, Władysław. *Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych. Z almanachem*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1998.
- Masłowscy Danuta, and Włodzimierz. *Wielka księga przysłów polskich*. Warszawa: Klub Dla Ciebie, 2008.
- Mokiyenko, Valeriy Mikhaylovich. "Animalisticheskaya frazeologiya v russkoj narodnoj rechi." *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskiye i lingvokul'turologicheskiye aspekty*. Edited by Harry Walter, and Valeriy Mikhaylovich Mokiyenko. 15–30. Grayfsvaľ'd–Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Lema, 2019 [Мокиенко, Валерий Михайлович. "Анималистическая фразеология в русской народной речи." *Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты*. Ред. Харри Вальтер, Валерий Михайлович Мокиенко. 15–30. Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Издательство Лема, 2019].
- Mosiołek-Kłosińska, Katarzyna. "Antropocentryzm leksyki zwierzęcej." In *Semantyczna struktura słowa i wypowiedzi*. Edited by Renata Grzegorzczukowa, and Zofia Zaron. 71–77. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1997.
- Mosiołek-Kłosińska, Katarzyna. "Motywacja związków frazeologicznych zawierających wyrazy pies i kot." In *Etnolingwistyka*, no. 4 (1995): 21–31.
- Mosiołek-Kłosińska, Katarzyna. "Stereotypy psa zawarte w języku polskim." In *Poradnik Językowy*, no. 4 (1992): 301–304.
- Nowa księga przysłów polskich*. Edited by Julian Krzyżanowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978.
- Piasecka, Agata. "Antropocentryczna i ruskojęzyczna frazeologizacja w polskim i ruskim języku." In *Dialog języków i kultur: Rossiya–Pol'sha*. Edited by Vera Sergeevna Kartavenko. 155–163. Smolensk: Madzhenta, 2015 [Пиасецка, Агата. "Антропоцентрическая направленность фразеологизмов с анималистическим компонентом в польском и русском языковом пространстве." *Диалог языков и культур: Россия–Польша*. Ред. Вера Сергеевна Картавенко. 155–163. Смоленск: Маджента, 2015].
- Piasecka, Agata. "Potencjał semantyczno-pragmatyczny leksemów bydło i skot w języku polskim i rosyjskim." In *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica*, vol. IX: *Aktualne problemy semantyki i pragmatyki* (2013): 69–78.

- Piasecka, Agata. "Świat zwierząt jako inspiracja dla rozwoju leksyki i frazeologii." In *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*, vol. V: *Język – kultura – historia* (2009): 135–141.
- Piasecka, Agata. "Wizerunek świni w języku polskim i rosyjskim (na podstawie materiału leksykograficznego)." In *Rozprawy Komisji Językoznawczej ŁTN*, vol. LIX (2013): 211–225.
- Popova, Katazhina. "Ptitsite v balgarskata i polskata frazeologia." In *Nauchni trudove na Rusenskia universitet*, no. 54, seria 6.3 (2015): 34–39 [Попова, Катажина. "Птиците в българската и полската фразеология." *Научни трудове на Русенския университет*, № 54, серия 6.3 (2015): 34–39].
- Przybyła, Wiesław. "Kulturowa semantyka motywu zwierząt." In *Teksty Drugie*, no. 3 (2011): 238–252.
- Rak, Maciej. "Chelovek v pol'skoy animalisticheskoy frazeologii. Aksiolingvisticheskiy aspekt." In *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskiye i lingvokul'turologicheskiye aspekty*. Edited by Harry Walter, and Valeriy Mikhaylovich Mokiyenko. 155–163. Grayfsval'd–Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Lema, 2019 [Рак, Мацей. "Человек в польской анималистической фразеологии. Аксиолингвистический аспект." *Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты*. Ред. Харри Вальтер, Валерий Михайлович Мокиенко. 155–163. Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Издательство Лема, 2019].
- Rak, Maciej. *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza*. Kraków: Wydawnictwo "scriptum," 2007.
- Stypuła, Ryszard. *Słownik przysłów i powiedzeń. Rosyjsko-polski. Polsko-rosyjski*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2003.
- Voznesenskaya, Mariya Markovna. "'Ptichiy dvor' v russkoy frazeologii. Chast' 1." In *Russkaya rech'*, no. 5 (2012): 116–122 [Вознесенская, Мария Марковна. "'Птичий двор' в русской фразеологии. Часть 1." *Русская речь*, № 5 (2012): 116–122].
- Weiss, Daniel. "Kleine Einführung in die russische Zooolinguistik." In *Slavistische Linguistik 1997. Referate des XXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Tübingen*. 273–324. Edited by Tilman Berger, and Jochen Raecke. München: O. Sagner, 1998.
- Wielki słownik wyrazów obcych*. Edited by Mirosław Bańko. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008.
- Wtorkowska, Maria. "Językowy obraz świni i jej rodziny przez pryzmat frazeologii w języku polskim i słoweńskim." In *Životinje u frazeološkom ruhu*. Edited by Ivana Vidović Bolt. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu FF-press, 2014, http://animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Wtorkowska.pdf. Accessed 11 Sep. 2019.
- Zimin, Valentin Il'ich. *Slovar'-tezaurusrusskikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy*. Moskva: Ast-Press Книга, 2012 [Зимин, Валентин Ильич. *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. Москва: Аст-Пресс Книга, 2012].

Maciej Walczak – Ph.D. in humanities, is a specialist in Russian studies and assistant professor at the Institute of Linguistics at the University of Silesia in Katowice. His area of expertise includes the comparative grammar of Slavic languages, etymology, language history, phonetics and prosody of the modern Russian language, synchronic and diachronic word formation, lexical semantics and jargons, as well as Russian and Polish linguistic phraseology. His major publications include *Motivatsiya nazvaniy nasekomykh v russkom i pol'skom yazykakh* (*Motivation behind Insect Names in Russian and Polish*) (Saarbrücken, 2015) and *Grecheskiye korni v leksicheskom sostave russkogo i pol'skogo yazykov (semantichesky, slovoobrazovatel'no-morfologicheskii i stilisticheskiy aspekty)* (*Greek Roots in the Lexical Composition of the Russian and Polish Languages (Semantic, Word-Formation/Morphological and Stylistic Aspects)*) (Katowice, 2016).

Maciej Walczak – dr nauk humanistycznych, rusycysta, adiunkt w Instytucie Językoznawstwa Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. Zainteresowania badawcze: gramatyka porównawcza języków słowiańskich, etymologia, historia języka, fonetyka i prozodia współczesnego języka rosyjskiego, słowotwórstwo synchroniczne i diachroniczne, semantyka leksykalna, żargony oraz rosyjska i polska frazeologia w ujęciu lingwokulturowym. Ważniejsze publikacje: *Мотивация названий насекомых в русском и польском языках* (Saarbrücken 2015), *Греческие корни в лексическом составе русского и польского языков (семантический, словообразовательно-морфологический и стилистический аспекты)* (Katowice 2016).